

въ своей исторіи въ монографическія подробности, а монографистъ, наоборотъ, станеть излагать въ своей монографіи и общія характеристики. Такимъ образомъ раздѣлить труженниковъ исторіи литературы на два лагеря, соотвѣтственно требованіямъ метода, можно только въ общихъ чертахъ — и только абстрактно, теоретически.

II.

А. С. Пушкинъ и В. С. Миклашевичъ.

Варвара Семеновна Миклашевичъ, рожденная Смагина, была женщина незаурядная, да и жизнь ея сложилась и протекла не совсѣмъ ordinarily. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о ней весьма скудны. Мы знаемъ лишь, что она родилась въ 1768 году, что въ дѣтствѣ жизнь дѣвочки Смагиной подвергалась опасности отъ пугачевцевъ, и спаслась малютка лишь тѣмъ, что кормилица спрятала ее въ лѣсу. Замужемъ она была за губернскимъ чиновникомъ Антономъ Осиповичемъ Миклашевичемъ, повидимому, полякомъ или бѣлоруссомъ. Онъ служилъ въ Пензѣ, гдѣ съ этою четюю познакомился тамошній вице-губернаторъ, извѣстный поэтъ, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.

Знакомиться съ княземъ-поэтомъ было не всегда безопасно — потому, что онъ всѣхъ своихъ знакомыхъ заносилъ съ подробными характеристиками въ свой календарь. Этотъ календарь носилъ заглавіе: „Капище моего сердца“ (имѣется въ двухъ, посмертныхъ, конечно, изданіяхъ: первое въ общемъ календарномъ порядкѣ, второе — по алфавиту фамилій князевыхъ знакомыхъ).

Вотъ что сообщаетъ И. М. Долгорукій о В. С. Миклашевичъ въ своемъ „Капищѣ“ подь 19 числомъ апрѣля: Варвара Семеновна Миклашевичева была жена магистратскаго прокурора въ Пензѣ, съ которой я, будучи тамъ на службѣ, свелъ пріятное знакомство. Она была барыня молодая, умная

и достойная, но увлекалась часто романическими восторгами и отъ того много дурачествъ въ свой вѣкъ надѣлала; она была не хороша и потому мало считала волокитъ за собою: отъ той самой причины и я не попалъ въ число ихъ. Во время моихъ несчастныхъ тамошнихъ приключеній она самымъ благороднымъ образомъ поступила и обязала меня чистѣйшею благодарностью. Я оставался одинъ въ городѣ, угнетенъ и презрѣнъ всѣми, потому что губернаторъ со мной былъ въ ссорѣ; жены моеѣ не было со мною: она ѣздила въ Москву родить. Ни одна дама не пріѣхала бы навѣстить меня, чтобы не сдѣлаться предметомъ недостойной молвы; одна Варвара Семеновна все это презрѣла и, зная, что въ моемъ положеніи сообщество мнѣ нужнѣе было, чѣмъ когда-нибудь, всякій вечеръ пріѣзжала ко мнѣ сидѣть и бесѣдой своей, весьма пріятной, разсѣивала мрачныя мысли, коими я былъ до крайности разстроенъ въ духѣ. Мало, конечно, людей, способныхъ сдѣлать изъ чистаго побужденія благороднаго свойства подобное пожертвованіе. Память тѣхъ дней привязала меня къ ней навсегда. Я ее видалъ и послѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ разныхъ положеніяхъ, то счастливу, то злополучну, всегда принималъ въ ней участіе искреннее и пользовался полной ея ко мнѣ довѣренностью. Несчастливая! Она имѣла одного сына, взростила его, лишилась его, не могла жить для мужа, который ея не стоилъ и потеряла совершенно разсудокъ“.

Умъ, доброта, благородство, независимость и смѣлость — вотъ тѣ душевныя свойства, коими Долгорукій характеризуетъ Варвару Семеновну. О дальнѣйшей, послѣ Пензы, жизни ея имѣются лишь нѣкоторыя извѣстія объ ея пребываніи въ Петербургѣ. Здѣсь она жила въ домѣ поэта и чиновника морского министерства Андрея Андреевича Жандра (1789—1873) и пользовалась величайшимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ знавшихъ ее. Она скончалась въ 1846 году, 78 лѣтъ отъ роду.

Варвара Семенова была душою и центромъ той компаніи,

которая собиралась у А. А. Жандра. А собирались у него отчасти театральные артисты, напр., братья Каратыгины, отчасти же, и преимущественно, литераторы, поэты и драматурги. Весь кружокъ очень интересовался театромъ. Самъ Жандръ кое-что писалъ для театра, отчасти самостоятельно, отчасти въ сотрудничествѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ или княземъ А. А. Шаховскимъ — переводныя пьесы; главный его трудъ, переводная трагедія „Венцеславъ“ въ стихахъ не была допущена на сцену цензурою. Варвара Семеновна тоже переводила для театра изъ Мариво „Завѣщаніе“ (въ январѣ 1824 г.) и „Спальня“ (тоже въ 1824 г.). Однимъ изъ ближайшихъ друзей Андрея Андреевича и Варвары Семеновны былъ восторженный декабристъ — поэтъ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. Варвара Семеновна передъ декабрьскимъ возстаніемъ предсказала Одоевскому его гибель, увидѣвъ его во снѣ въ бѣломъ саванѣ. Во время обысковъ, когда Одоевскаго искали, Миклашевичъ спрятала его въ своемъ шкафу за платьями; затѣмъ она упросила Жандра дать Одоевскому денегъ и штатское платье, чтобы убѣжать за границу. Когда впослѣдствіи дѣло раскрылось, Жандръ не сталъ закидываться предъ лицомъ самого Императора Николая Павловича, но признался, и Императоръ, оцѣнивъ благородство поступка, сказалъ, что для спасенія друга и онъ самъ на мѣстѣ Жандра поступилъ бы точно такимъ же образомъ¹⁾.

Къ кружку А. А. Жандра и В. С. Миклашевичъ относились еще страстные любители театра, князь А. А. Шаховской, плодовитый драматургъ, П. А. Катенинъ, поэтъ и критикъ, и наконецъ, великій и незабвенный въ исторіи русскаго театра авторъ „Горя отъ ума“, А. С. Грибоѣдовъ. Наконецъ къ этому же кружку — черезъ Грибоѣдова примазывался его другъ — Ѳ. В. Булгаринъ, тоже театраль и изда-

1) См. Шляпкинское изданіе сочиненій Грибоѣдова, т. I стр. 404—406 и Записки Петра Андреевича Каратыгина, стр. 145.

тель альманаха „Русская Талія“. Имѣлъ отношенія къ Жандру и Миклашевичъ — и журналистъ Н. И. Гречъ.

Этотъ кружокъ, Жандръ, Миклашевичъ, Грибоѣдовъ, Катенинъ, Шаховской ласкали молодого Сашу Пушкина, тоже имѣвшаго входъ въ это общество. Всѣ они отдавали должное его таланту и возлагали на него большія надежды¹⁾.

Въ послѣдніе годы своей жизни Варвара Семеновна отдалась писанію крупныхъ беллетристическихъ произведеній въ прозѣ. Я читалъ въ рукописи начало одного ея романа безъ заглавія, но по заявленію владѣльца рукописи, носившаго заглавіе „Село Бархатное“. Это произведеніе г-жи Миклашевичъ осталось и не напечатаннымъ, да, кажется, и не оконченнымъ. За то другой ея большой романъ „Село Михайловское“, законченный и отдѣланный ею, долго не могъ увидѣть свѣта — въ силу тяготѣвшаго надъ нимъ цензурнаго запрещенія.

Романъ этотъ былъ вдохновенъ А. С. Грибоѣдовымъ. Вотъ какъ рассказываетъ о возникновеніи его Н. И. Гречъ въ своемъ предисловіи къ первому изданію „Села Михайловскаго“. Содержаніемъ повѣсти служитъ истинное происшествіе, случившееся въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія, въ одной изъ низовыхъ губерній. Сочинительница ея, родившаяся въ томъ краѣ, Варвара Семеновна Миклашевичъ, женщина необыкновенная, твердога проницательнаго ума, нѣжнаго сердца и рѣдкихъ дарованій, была свидѣтельницей описываемаго ею. Испытавъ въ жизни жестокіе удары судьбы и невозвратимыя потери, она знала и понимала свѣтъ и людей, искала отрады и утѣшенія въ дружбѣ, благотворительности, въ занятіяхъ словесностію и въ теплой молитвѣ къ Богу. Одаренная твердою памятью, даромъ слова, она рассказывала въ тѣсномъ дружескомъ кругу видѣнное и испытанное ею, увлекаая всѣхъ слушавшихъ ее и содержаніемъ

---

1) Воспоминанія Александры Михайловны Каратыгиной, „Русская Старина“ за 1880 г., іюль, стр. 566.

описываемаго ею, и вѣрностью и живостью разсказа. Въ числѣ ихъ былъ незабвенный А. С. Грибоѣдовъ, любившій и уважавшій Варвару Семеновну, какъ родную мать, да и она любила его, какъ сына. Онъ внимательно слушалъ разсказы объ ея молодости, о тогдашнемъ бытѣ и нравственно-грустномъ состоянїи ея родины въ то время. Услышавъ же исторїю ужаснаго преступленїя одного помѣщика, онъ сталъ убѣдительно просить ее написать свой разсказъ объ этомъ необыкновенномъ происшествїи. Варвара Семеновна рѣшилась исполнить его желанїе и въ преклонныхъ лѣтахъ занялась трудомъ, который требовалъ бы силъ юныхъ и свѣжихъ. Грибоѣдовъ успѣлъ передъ послѣднимъ своимъ выѣздомъ изъ Петербурга въ 1828 году прочесть первыя главы „Села Михайловскаго“ и именемъ дружбы убѣждалъ Варвару Семеновну окончить начатое. Она исполнила свое обѣщанїе въ 1836 г. и тогда же подарила издательницѣ свое творенїе съ условїемъ напечатать, когда представится къ тому случай. Воля ея теперь исполняется.

Мы не станемъ останавливаться на содержанїи и интригѣ романа Варвары Семеновны. Ограничимся лишь тѣмъ указанїемъ, что романъ содержитъ массу драгоцѣнныхъ картинъ русскаго быта XVIII вѣка, исчезнувшаго безъ слѣда. Миклашевичъ знала провинціальную жизнь за этотъ періодъ и начертила очерки быта дворянства, крестьянства, купечества, чиновничества и духовенства, особенно же архїерейскаго и монашескаго чина. Послѣднее и служило главнымъ поводомъ къ запрещенїю романа. Дѣйствїе романа захватываетъ районъ трехъ губернїй, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской въ эпоху съ восьмидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка до двадцатыхъ, примѣрно, годовъ XIX-го вѣка.

Литературную судьбу романа г-жи Миклашевичъ Гречъ досказываетъ такимъ образомъ. Не одинъ Грибоѣдовъ отдавалъ справедливость этой повѣсти. „Село Михайловское“ до того понравилось А. С. Пушкину, что онъ хотѣлъ написать къ нѣсколькимъ главамъ э п и г р а ф ы и для этого взялъ

къ себѣ рукопись I-ой части. В. А. Жуковскій, найдя ее въ бумагахъ Пушкина послѣ его кончины, привезъ ее къ сочинительницѣ, выпросилъ у нея остальные три тома и прочелъ въ три дня. Возвращая рукопись, онъ сообщилъ сочинительницѣ съ увлеченіемъ, что особенно ему понравилось, и сказалъ при прощаньѣ, что ничего такъ не желалъ бы, какъ видѣть „Село Михайловское“ въ печати. Таковы же были отзывы многихъ другихъ особъ, преимущественно, литераторовъ, читавшихъ эту повѣсть. Всѣ они изъявляли желаніе, чтобы она была напечатана: особенно увлекались они въ ней изображеніемъ жизни и характера духовныхъ лицъ — звуками струны, доселѣ у насъ еще не тронутой. И гражданская, и свѣтская жизнь представлена здѣсь, со многихъ сторонъ, вѣрно и подробно. Небольшіе отрывки, напечатанные въ журналахъ, напр., „Сынъ Отечества“ 1831 г. (первый въ 19 и 20, а второй въ 43 и 44 книжкахъ) и позднѣе въ „Библиотекѣ для чтенія“, возбуждали любопытство всей русской публики. Приведу сказанное мною о „Селѣ Михайловскомъ“ въ одномъ изъ моихъ чтеній о русской литературѣ за 25 лѣтъ предъ симъ: „У насъ есть романъ, пока еще существующій въ рукописи, и извѣстный только немногимъ. Два отрывка изъ него, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напечатаны были въ „Сынъ Отечества“. Этотъ романъ, если только выйдетъ въ свѣтъ, займетъ первое мѣсто какъ вѣрностию изображенія русскихъ нравовъ, такъ и оригинальностью характеровъ, занимательностью содержанія, высокою нравственною цѣлью, теплотою чувства и мастерскимъ русскимъ слогомъ. Всего достойнѣе замѣчанія то, что онъ написанъ дамою. Я намѣревался-было прочесть отрывки изъ него, но не могъ выбрать: не трудно снять одно зерно съ нитки, нанизанной механически, но какъ вынете вы часть изъ живого органическаго цѣлаго, не повредивъ ей, не лишивъ ея жизненности“ ?

Всѣ старанія напечатать „Село Михайловское“ при жизни автора, да и два десятка лѣтъ послѣ смерти Варвары

Семеновны оставались напрасными. Въ „Дневникѣ“ А. И. Никитенка, подъ 11 января 1842 г. отмѣчено: „Былъ у графа Велегурскаго. Онъ просилъ меня о романѣ Миклашевичевой: „нельзя ли пропустить?“ — Нельзя. Много дѣйствующихъ лицъ изъ духовныхъ, есть на сценѣ архіереи, разбойникъ - помѣщикъ, плутъ - губернаторъ и прочее. Но главное препятствіе — въ духовныхъ лицахъ.“ Даже контрабанда съ „Селомъ Михайловскимъ“ не удавалась. У того же Никитенки подъ 16 марта 1843 г. записано: „Бурачекъ, издатель „Маяка“, христіанинъ, православный и патриотъ, пойманъ въ плутовствѣ. Онъ хотѣлъ перепечатать въ своемъ журналѣ запрещенный романъ Миклашевичевой: уличили и не дозволили ему этого“.

Романъ Варвары Семеновны увидѣлъ свѣтъ только въ 1864 и 1865 годахъ. Онъ былъ напечатанъ двумя томами и въ четырехъ частяхъ въ маломъ октавѣ подъ заглавіемъ „Село Михайловское или помѣщикъ XVIII столѣтія“. С. П. Б., съ предисловіемъ Николая Греча, которымъ мы пользовались, и которое оканчивается такою мотивировкою изданія.

Издательница, исполняя долгъ уваженія, любви и благодарности напечатаніемъ этой повѣсти, надѣется на искреннее сочувствіе читателей, дорожащихъ отечественными талантами, находящихъ удовольствіе въ созерцаніи картинъ русской жизни — даже съ былой, темной стороны ея, уступающей лучамъ образованія и обновленія нравственнаго. „Село Михайловское“ будетъ памятникомъ существованія въ мірѣ писательницы необыкновеннаго таланта, высокаго ума, благороднаго сердца и истиннаго благочестія.

Насколько уцѣлѣлъ романъ при этомъ своемъ появленіи въ печати, или насколько онъ пострадалъ отъ цензуры, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ романъ прошелъ черезъ двойную цензуру, свѣтскую и духовную (цензурное дозволеніе 15 октября 1864 г.). Духовный цензоръ — таки не утерпѣлъ и страницу 39 перваго тома украсилъ своимъ примѣчаніемъ такого рода: „У кого изъ читателей возникъ бы при чтеніи

сей повѣсти нескромный или недобрый помыселъ подозрѣнія насчетъ отношенія къ свѣтскимъ духовныхъ лицъ, здѣсь упоминаемыхъ, — тѣхъ просимъ не спѣшить приговоромъ осужденія и прочесть повѣсть всю до конца“.

При своемъ появленіи въ шестидесятыхъ годахъ романъ г-жи Миклашевичъ не возбудилъ особеннаго вниманія, а да-лѣе онъ подвергся и совершенному забвенію. Только въ прош-ломъ году, когда различнаго рода книжные спекулянты стали печатать всевозможные раритеты, когда то бывшіе запре-щенными, кто то вспомнилъ и о романѣ Миклашевичъ. Онъ былъ перепечатанъ въ какой то газетѣ, а потомъ вышелъ и въ отдѣльномъ изданіи.

Намъ хотѣлось обратить вниманіе на одно странное обсто-ятельство, которое осталось, повидимому, доселѣ незамѣченнымъ.

Въ приведенномъ выше сообщеніи Греча сказано, что А. С. Пушкинъ бралъ къ себѣ въ послѣдніе дни своей жизни рукопись романа г-жи Миклашевичъ на домъ, что эта руко-пись оставалась у него до его смерти, и послѣ его смерти была возвращена автору Жуковскимъ. Были у Пушкина не всѣ четыре части романа, а только одна первая часть. Бралъ ее Пушкинъ для опредѣленной цѣли — написать къ нѣсколь-кимъ главамъ ея эпиграфы¹⁾.

Разсматривая романъ съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить, что эпиграфы въ романѣ, дѣйствительно, имѣ-ются, и притомъ именно и исключительно въ первой части романа, которая была у Пушкина. Въ остальныхъ трехъ частяхъ на всѣ главы есть эпиграфъ лишь на шестой главѣ четвертой части — изъ Державина :

Будетъ — и судьбы гласили —
Онъ монарховъ образецъ.
Рѣки, горы повторили :
„Утѣшеніемъ сердець“ !

1) Эпиграфы къ каждой главѣ историческихъ романовъ были введены въ моду Вальтеръ-Скоттомъ.

Въ первой части всего 18 главъ. Нѣтъ никакихъ эпиграфовъ на главахъ 7-ой, 9-ой, 10-ой, 11-ой, 14 до 17-ой, всего на восьми. На 8-ой главѣ эпиграфъ прозаическій: „Сыны вѣка сего мудрѣйшии суть сыновъ вѣка онаго“. На остальныхъ девяти главахъ есть к ѣ м ѣ - т о (?) написанные стихотворные эпиграфы. Есть еще одно, десятое четверостишіе, одинаково напечатанное на заглавныхъ листахъ всѣхъ четырехъ частей.

Приведемъ теперь текстъ этихъ эпиграфовъ. Общій эпиграфъ всѣхъ четырехъ частей:

Мелькають дни, и мѣсяцы, и годы,
 За вѣкомъ вѣкъ невидимо летить:
 Блеснуть, исчезнуть, вновь цвѣтутъ народы,
 А бѣлый свѣтъ по прежнему стоитъ.

I глава.

Первый духъ.

Здѣсь обитель отверженья!
 Здѣсь злодѣйствамъ нѣтъ конца!

Другой духъ.

И въ жилищѣ преступленья
 Есть невинныя сердца!

II глава.

Съ родимаго крова голубка вспорхнула,
 А ястребъ голодный вился въ облакахъ:
 Онъ видитъ добычу, — минута мелькнула, —
 И въ хищныхъ она трепетала когтяхъ!

III глава.

Враждебный сонъ съ тревожными мечтами,
 Съ жезломъ свинцовымъ вкругъ ея леталь,
 Спустился къ ней и черными крылами
 Ей смутныя видѣнья навѣвалъ.

IV глава.

Гей, вы, вѣроны, совы, залетные гости,

Гей, вы, сѣрые волки, собирайтесь ко мнѣ!
 Вамъ обѣдъ приготовленъ: и мясо, и кости ---
 Я убитый лежу на чужой сторонѣ.

V глава.

Кто таинства природы разгадаетъ?
 Несчастливая разсудка лишена, —
 А прежде всѣхъ все видитъ и все знаетъ —
 И гдѣ бѣда, тамъ первая она!

VI глава.

Не дай мнѣ Богъ подслушать богомолку,
 Не дай увидѣть поспнаго лица:
 На взглядъ святыя всѣ, — а втихомолку,
 Злословію и сплетнямъ нѣтъ конца!

XII глава.

Собиралися гости на званый пиръ,
 Что къ тому ли ко Змѣю Горынчищу;
 Въ колымагѣ ломался навозный жукъ,
 Съ нимъ сидѣли три дочки, три ящерицы.
 А у Змѣя гнѣздо псолооченное,
 Изъ костей христіанскихъ сколоченное,
 А на столъ человѣчьи мяса подаютъ,
 А слезами и кровью здоровье пьютъ.

XIII глава.

Два прекрасныхъ цвѣтка, Лилея и Роза,
 Въ тихой долинѣ цвѣли, скрываясь отъ шумнаго свѣта.
 Нѣжная дружба ихъ мирную жизнь услаждала.
 Корень Лилеи сохъ непримѣтно отъ тайнаго зноя;
 Юная Роза не знала еще непогоды.
 Солнце съ высотъ привѣтливо имъ улыбалось. . . .
 А на ближнихъ горахъ носились громовыя тучи.

XVIII глава.

Первая вѣдьма.

Ау, кума, ау, гдѣ ты?

Вторая вѣдьма.

Въ трубѣ сижу.

Первая вѣдьма.
Зачѣмъ въ трубѣ? Ау, кума!

Вторая вѣдьма.
На пирь гляжу.

Первая вѣдьма.
Хорошъ ли пирь? Скажи, кума!

Вторая вѣдьма.
Потѣшный пирь. Смотри сама!

Обѣ (хохочутъ).
Скоро, скоро пиру конецъ!
Будеть, будетъ на Волгѣ мертвецъ!

(хохочутъ)
Ау, ау, сестрицы-подружки!
Ау, дождалісь мы веселой пирушки!
Ау, ау!

Хоръ вѣдьмъ.
Ау, ау!
Кружитесь и вейтесь,
Пляшите и смѣйтесь,
Сестрицы, сестрицы, подруженьки!
Пиру конецъ!
Ужъ на Волгѣ мертвецъ!
Ужъ на Волгѣ мертвецъ.
Ау, ау, ау, ау!
Сестрицы, сестрицы, подруженьки!

По сопоставленію всего сказаннаго выше выходитъ такъ, какъ будто бы эпиграфы написаны Пушкинымъ. Но Гречъ, на извѣстія котораго мы здѣсь опираемся, почему то не заявилъ этого прямо и категорически. Въ виду этого остается всетаки поле для сомнѣнія, и весь вопросъ о принадлежности Пушкину означенныхъ стихотвореній благоразумнѣе оставить совершенно открытымъ . . .¹⁾

1) Можетъ быть, въ приведенномъ выше окажется что-либо напечатанное уже подъ именемъ другихъ поэтовъ? . .